

Пачка цветных фотографий, как колода карт, веером рассыпалась по столу.

— И-ех, миленький мой, то ли еще я тебе покажу! — увлекался все больше и больше, говорил мой собеседник.

На фотографии — стройный пожилой человек крепкого телосложения и с пышной седой бородой. Борода эта разлеглась на лацканах черного фрака и прикрыла колодки орденов и медалей. Человек застыл в позе, полной динамики и напряжения. В одной руке он держал сверкающий инкрустацией конический ящик, а другой выбрасывал из него гроздь цветов. Было что-то странное в этой фотографии. Элегантный фрак и эта борода, реквизит фокусника и ордена...

— Да, я фокусник, родненький ты мой. И меня сбегалась смотреть публика на площадях и рынках Ташкента и Самарканда. Да-да, народ любил Али-Бабу, как называли меня в афишах. Гляди сюда...

Он берет в руку колоду карт. Р-раз! Р-раз! Карты меняются, как в калейдоскопе, и никак не поймешь, куда они деваются и откуда появляются. Но я пришел к Любаеву не фокусы смотреть. «Последним петрушечником» назвал его Сергей Владимирович Образцов. И пригласил в свой театр, чтобы записать на магнитофонную ленту, снять на кинолентку, ибо Любаев — уникальный артист.

— Эх-хе-хе, миленок, сколько лет-то прошло. Показывал я и такой фокус. Вот, гляди сюда. Видишь шрам на руке? Сюда втыкался нож. Публика подходила, трогала пальцами...

Все его фокусы «уличные», не требующие хитромудрого реквизита с применением новейшей техники. Дескать, глядите, как просто. Ан, попробуй, меня поймай! И еще — он знает, чего можно добиться терпением, тренировкой, многомесячным трудом, который, конечно же, остается «за кулисами»...

— А вот ваш Петрушка, — пробую я вернуть его к тому, что больше всего интересует меня.

— Постой, постой, сейчас я тебе, хороший мой, такое покажу...

И он кладет на стол еще несколько фотографий. На одной из них С. В. Образцов, рядом с ним Любаев в широком халате, с тубейкой на голове. В руках у него — шарманка.

В театре Образцова Петр Яковлевич демонстрировал свое искусство. Его записывали

ЛЮДИ РЕДКИХ ПРОФЕССИЙ

АЛИ-БАБА ЖИВЕТ В КРАСНОЯРСКЕ

вали на магнитофонную ленту — собственно, не его, а его Петрушку. И осталась в музее театра кукла — тот фронтальной Петрушка разведчика Любаева, который развлекал бойцов в краткие минуты отдыха после боя. И тут продемонстрировал Петр Яковлевич еще одно свое дарование. Он взялся починить старинную шарманку — «Пикулин» 1838 года. Никто из мастеров не брался за такую работу: слишком много сил и времени требовал старинный инструмент.

Петр Яковлевич справился отменно. И закружились снова хоромом куклы на ее крышке, и из отделанного перламутром ящика полилась мелодия.

— Я все типы шарманок с детства на зубок знаю, — рассказывает Любаев, и его борода заодно топорщится. — И «Зингер», и «Нечада», и тот же «Пикулин». Не на одной сыграл «Пожар московский», «Светит месяц», «Разлука»... А

вот и моя любимая кукла — Петрушка.

Так вот ты какой, герой уличных представлений, знаменитый балаганный персонаж, которого слушали и проделками которого восхищались и простодушный крестьянин в лаптях, и суровый ремесленник в закопченном фартуке, и сдвинувший на лоб кожаный картуз металлист, и сам пройдоха и весельчак цыган из табора, зажавший в руке уздечку от только что проданного коня...

Он показывает свой реквизит. Ящики, складные столы, «волшебную» палочку, костюмы — яркие, броские, неповторимые...

Он и после того, как ушел на пенсию, не оставил любимого дела. Более пяти тысяч выступлений — и все бесплатно. В цехах, красных уголках, на сценах рабочих клубов и домов культуры. А в последнее время у него появились и ученики — ребята 15—16 лет, собирающиеся в «Театре маленьких чудес» при доме культуры завода «Сибтяжмаш».

Прошу артиста рассказать о войне, о самом памятном эпизоде.

— Было это зимой сорок четвертого в Одесской области. Послали меня с двумя бойцами в разведку. За языком. Удачный вышел поиск. В селе взяли мы троих часовых. Уже можно было уходить. Повели бойцы тех троих, а я думаю: зачем тут пост был? Остался. Выяснил — немцы в одной избе ночуют, человек двадцать. Врываюсь в избу, даю очередь, бросаю гранату. Осталось их в живых 11 человек. Руки подняли. Тут наши подоспели. И вот награду получили...

Орден Славы III степени висит на бле-стящем лацкане артистического фрака. В центре его — зазубринка.

— Отметку фрицы оставили. Изранило меня тогда всего — страсть. А эта железка в сердце норовила... Но я и в госпитале фокусничал!

А я, слушая, все не теряю надежды услышать тот голос, которым разговаривал с подмостков балагана Петрушка. Понимаю, что годы взяли свое, что 67-летний Петр Яковлевич не совсем здоров — недавно вышел из больницы. А какому артисту хочется демонстрировать свой любимый номер, когда он не в форме? И понимаю, что именно поэтому Петр Яковлевич все переводит разговор на другое. Тогда и я решаю на маленькую хитрость.

— Петр Яковлевич, слышал я, что в те-

атре у Образцова есть артисты, которые научились Петрушкиным голосом говорить...

— Эх-хе-хе, миленький мой, дорогой, признаюсь тебе, я тут руку приложил. Ладно уж, покажу тебе одну штучку.

Он долго, словно оттягивая время, роется в ящиках, а потом в его руках оказывается ветхий кожаный чехол из-под часов. И вот оттуда извлекается странный предмет — две серебряные дужки с тесемкой между ними.

Я уже знаю: это говорок. Тот самый, который и придает своеобразность и неповторимость голосу Петрушки — кумира русского балагана. Говорок особым приемом закладывает глубоко в горло — в общем, это древнее и старинное искусство, полное таинства и тех навыков, которые передаются из поколения в поколение. Любаев делает неумовимое движение, вот он будто конфету жует, глотает что-то... А потом на моих глазах происходит преобразование. Глаза старого артиста разгораются, открываются широко-широко. Он уже не видит меня, наверное, перед ним — пестрая ярмарочная толпа, которая с нетерпением ждет. Еще мгновение, и он начинает:

— Здра-а-встуйте! — несется странный, высокий до пронзительности голосист. — Здра-а-встуйте. Тетка Алена прислала три миллиона, велела, чтоб я дом построил, а я пришел сюда поиграть, совсем проигрался было, раз-два, रुपь поставишь — два возьмешь, два поставишь — то же возьмешь...

Голос срывается, ему тяжело, лицо pokrывают бисеринки пота, но он уже не в силах остановиться.

— Стою на краю, чуть не даром отдаю, разыгрую разные вещи, хомуты и клещи, что в Москве в магазине, то у меня здесь, в корзине...

Шутки, прибаутки, поговорки сыплются в изобилии. Вот Петрушка женится, вот дурачится с разными персонажами, забавляется и насмехается, получает удары и сам наносит их. Он то грустный, то неистово веселый, насмешник и хитрец, умеющий высмеять лентяя и дармоеда, подлеца и скупого, он сам пройдоха и шут, этот великий оптимист — Петрушка.

— Все. Это только для тебя, милоч. Давно не было со мной такого...

КРАСНОЯРСК.

Ю. СВИНТИЦКИЙ.